

АКАДЕМИЯ ДЛЯ ВСЕХ

Ю.А. Соколов

ИМПЕРИЯ И ХРИСТИАНСТВО

РИМСКИЙ МИР НА
РУБЕЖЕ III–IV ВЕКОВ:
ПОСЛЕДНИЕ
ГОНЕНИЯ НА
ХРИСТИАН И
МИЛАНСКИЙ
ЭДИКТ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Юрий Соколов

**Империя и христианство.
Римский мир на рубеже III–IV
веков. Последние гонения на
христиан и Миланский эдикт**

«Издательство СПбПДА»

2014

УДК 94(3)+272
ББК 63.3(0)32+86.37

Соколов Ю. А.

Империя и христианство. Римский мир на рубеже III–IV веков. Последние гонения на христиан и Миланский эдикт / Ю. А. Соколов — «Издательство СПбПДА», 2014

ISBN 978-5-906627-10-0

В 2013 году исполнилось 1700 лет со дня принятия Миланского эдикта императорами Константином и Лицинием. Книга посвящена ключевому периоду в истории Церкви – эпохе прекращения гонений и легализации христианства в Римской империи. В центре этих событий находятся фигура выдающегося римского императора Константина Великого и Миланский эдикт – документ, знаменующий переход христианства из состояния гонимой религии в состояние религии разрешенной, с перспективой стать государственным культом Империи. В книге в популярной форме представлен исторический срез эпохи. На широком фактическом материале представлен захватывающий сюжет противостояния Империи – в лице ее императоров, – принятию христианства, и постепенного осознания необходимости это сделать. Основные герои книги – сами императоры, причем автор реконструирует как их мировоззрение, так и ситуации, которые толкают их к тем или иным поступкам. В книге сделана попытка глубокого осмысления событий 1700-летней давности, и это особенно важно, поскольку в русской исторической науке Миланский эдикт практически не изучался, а немногочисленные труды по этой теме, которые были написаны в России, относятся к дореволюционной эпохе и морально устарели. Рекомендуется широкому кругу читателей, интересующихся историей Церкви и историей Античности.

УДК 94(3)+272
ББК 63.3(0)32+86.37

ISBN 978-5-906627-10-0

© Соколов Ю. А., 2014

© Издательство СПбДА, 2014

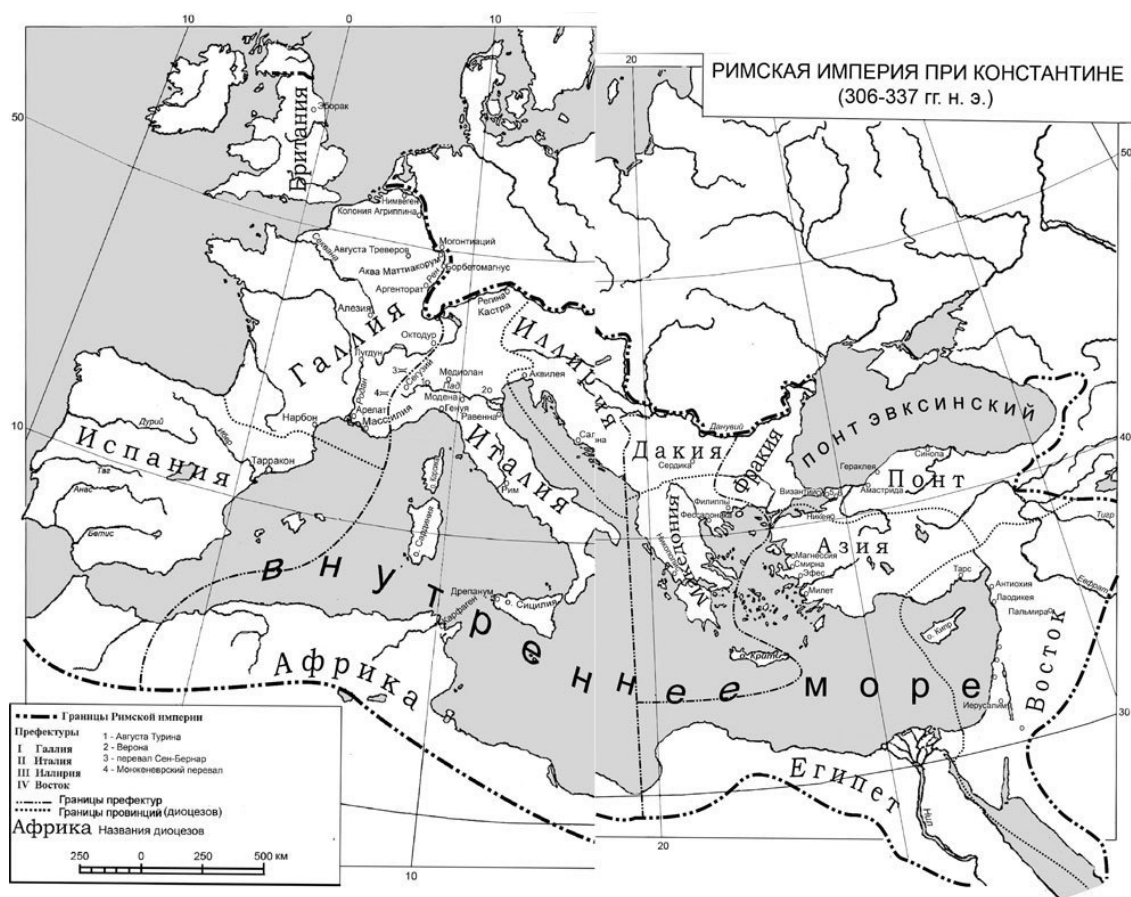
Содержание

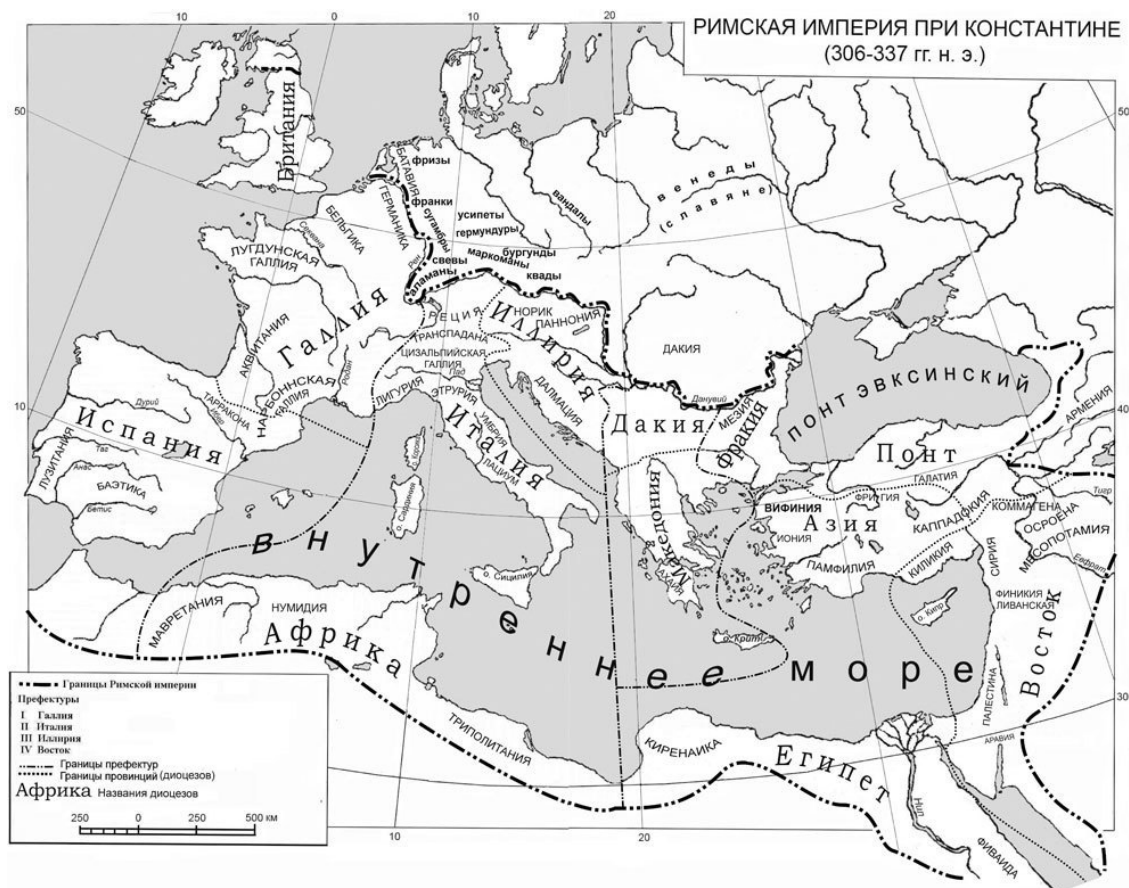
1. Время Диоклетиана: накануне гонений	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Алексеевич Соколов

Империя и христианство. Римский мир на рубеже III–IV веков. Последние гонения на христиан и Миланский эдикт

© Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2014

1. Время Диоклетиана: накануне гонений

Принятие Миланского¹ эдикта 313 года – событие исключительного значения в истории. Этим документом, принятым по инициативе Константина Великого и под которым стоит кроме его подписи также и подпись Лициния, знаменует не только то, что времена гонений на христиан оставались в прошлом, но и то, что в прошлое уходила, по существу, и языческая Римская империя, а вместе с ней в прошлое уходила и грандиозная эпоха Античного мира.

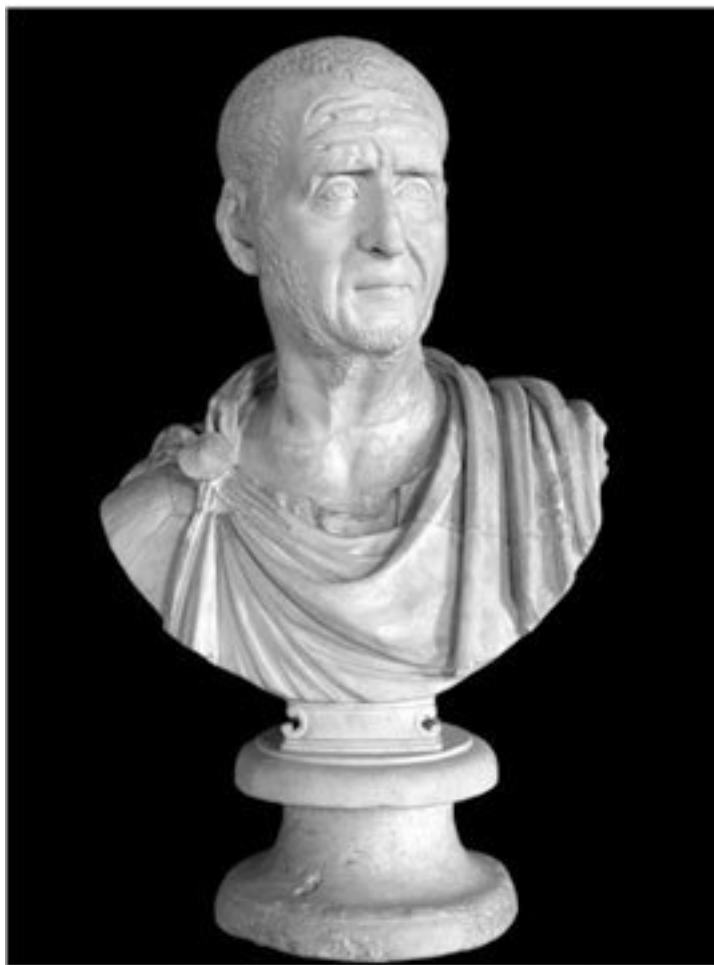
К Медиоланскому эдикту лежал долгий путь длинной более чем в два века. Он был начат Нагорной проповедью и Голгофской жертвой, продолжен боговдохновенной миссией святых апостолов и их наследников. Вышедшее из тесных пределов Иудеи Слово Жизни Вечной прорастало во все большем и большем множестве сердец. Люди самых разных сословий – от сенаторов до рабов – и самых разных народов – от иудеев и римлян до диких франков и кельтов – обретали блаженство духовной нищеты и устремлялись в могучем религиозном порыве к тому пределу, где возгорался светильник, «дабы светить всем» (Мф 5:15). В этом порыве их не могли остановить ни враждебность укоренившихся в языческой мертвости соплеменников, ни страшные гонения, устраиваемые властями. Кровь мучеников лишь укрепляла христиан, и из каждого сурового испытания, казавшегося смертельным, Церковь выходила еще более сильной и умножившей число своих преданных членов. Не прибегая к силе, но единственно благодаря истовости своей глубокой веры и пламенности слова Церковь обретала лидирующее место в мире.

В III-м веке было уже много тех, кто связывал именно с христианами будущее увядающего, раздираемого внутренними войнами Римского мира. Но было и много тех, кто, мечтая о возвращении к языческой старине подлинных «римских добродетелей», видел в Церкви, непостижимой их отравленному язычеством, зачарованному древним блеском Рима уму, смертельную угрозу Империи.

К таким относился и выдающийся полководец, прославившийся победами над варварами, – Деций. В середине III столетия он обрушил на христиан гонения, всерьез вознамерившись их уничтожить, убедив себя в том, что именно христиане мешают обретению прежнего величия Рима. Однако спустя год Деций отправился к берегам Дуная², чтобы положить очередной блестящей победой конец дерзкому вторжению в Мезию и Фракию готских племен. На Дунае в 251 году Деций и погиб вместе со своими легионами.

¹ Эдикт был подписан в городе Милане, который в Римской империи назывался Медиолан, поэтому эдикт также называют Медиоланским. – *Прим. ред.*

² Древнее название Дуная – Данувий. – *Прим. ред.*

Император Деций

Наследовавший Децию сенатор Валериан, заполучивший в 253 году императорский трон в ходе короткой, но кровопролитной схватки, гонения на христиан продолжил с новой и, пожалуй, еще большей силой: Церковь никак «не встраивалась» в систему исповедуемых Валерианом «римских традиционных ценностей». По свидетельству Поллиона и Евтропия, Валериан был человеком недалекого ума и ничтожных дарований – последовательность и упорство он проявил лишь в преследовании христиан. Наибольший масштаб репрессий пришелся на 257-259 годы.

Эдиктом 257 года Валериан в категорической форме потребовал от христиан совершения жертвоприношений языческим богам и, одновременно, запрещал христианам всякую проповедническую и преподавательскую деятельность. Тем же эдиктом христианам запрещалось проводить богослужения и посещения кладбищ. Летним же эдиктом 258 года все христиане, находящиеся на службе в государственной администрации, а равно и сенаторы и всадники (т. е. представители римской аристократии), исповедующие христианство, приговаривались к смерти, а имущество их конфисковывалось.

Император Валериан

Поразительно, до какой степени римские консерваторы боялись присутствия христиан во властных структурах! Лишенные мистического опыта люди типа Деция и Валериана воспринимали Церковь как непонятную им по природе «тайную организацию». За эти годы погибло множество невинных людей. Был нанесен страшный удар по клиру и, прежде всего, по епископату – в частности, погибли Киприан Карфагенский, Сикст Римский, Фруктуоз Тарраконский. Спасаясь от репрессий, многие христиане уходили из Италии на север, и получилось так, что гонения укрепили христианские общины в Галлии и Альбионе³. Вскоре Валериан начал войну с персами и в 259 году, в сражении при Эдессе, потерпел страшное поражение, погубив свои легионы и сам попал в плен к царю Шапуру – в плену он и умер менее года спустя. После этого гонения прекратились.

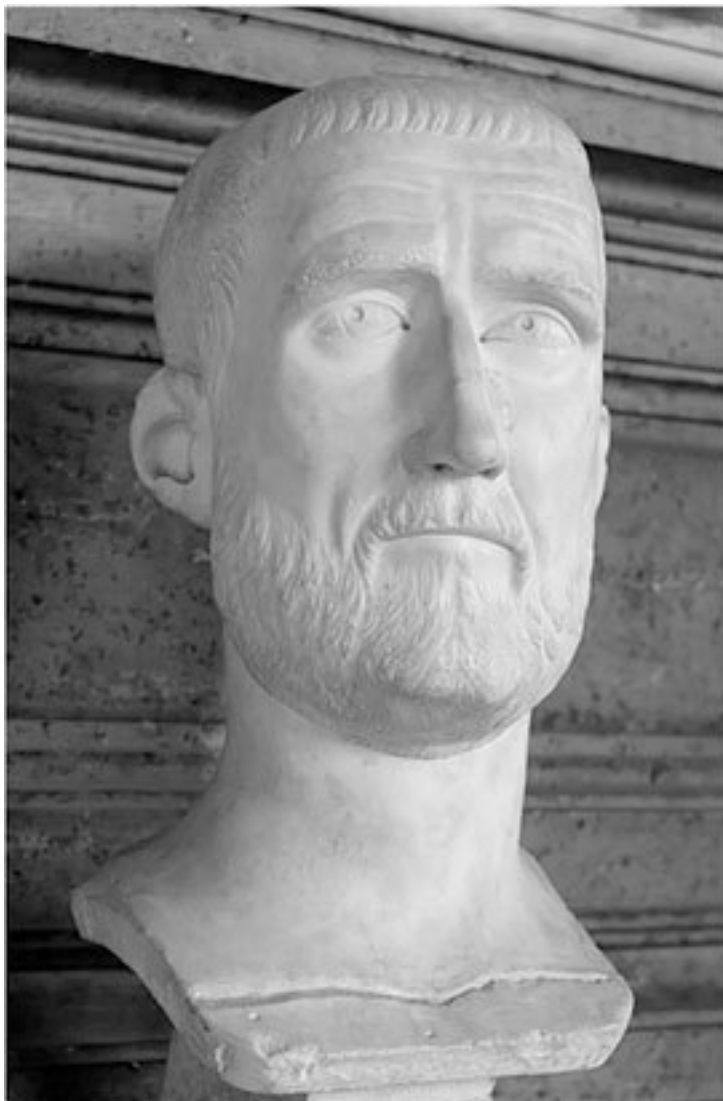
Император Галлиен поспешил одним из первых же своих самостоятельных эдиктов 260 года не только положить конец репрессиям, но и вернуть христианам конфискованное имущество (правда, сделать это удалось только частично). Появлявшиеся вслед за тем императоры сменяли друг друга с фантастической быстротой – они боролись друг с другом за власть и им было не до христиан. Это время войдет в историю, как «эпоха тридцати тиранов».

Впрочем, среди них было два выдающихся по своим качествам властителя – Аврелиан и Проб. Аврелиан был типом мрачным и жестоким.

³ Альбион – древнее название Британских островов. – *Прим. ред.*

Император Галлиен

Император Проб

Император Аврелиан

Проб – спокойным и рассудительным. Оба были выдающимися полководцами и дальновидными, энергичными администраторами. Оба были аскетами в личной жизни. Оба пробыли во власти лет по пять, пока не были убиты своим алчным окружением. Аврелиан считал, что Империи следует обновляться, превратившись в восточную деспотию, в то время как Проб мечтал о реконструкции «Золотого века» принципата. Однако оба относились к Церкви без предубеждения и без враждебности, хотя и без каких-либо ярко выраженных симпатий. В Церкви они видели одну из самых мощных и стабильных институций Империи, а в христианах – многочисленную и самую стабильную группу налогоплательщиков, которая по неведомой им причине оказывалась наиболее всех лояльна к власти. Проб был убит взбунтовавшимися legionарями в Паннонии (по иным сведениям – в Далмации), случилось это в сентябре 282 года.

Императорский трон захватил военачальник Кар, который объявил своими младшими соправителями сыновей Карина и Нумериана. Оставив малолетнего Нумериана в Риме, Кар направил старшего из сыновей, Карина, в Галлию, а сам отъехал в Восточное Средиземноморье, где начал готовить новую войну против персов, но вскоре погиб в результате несчастного случая (по преданию, во время грозы в Кара попала молния). Примерно тогда же в Галлии legionары убили Карина – бездарный юноша отличался редкой растленностью, злым нравом

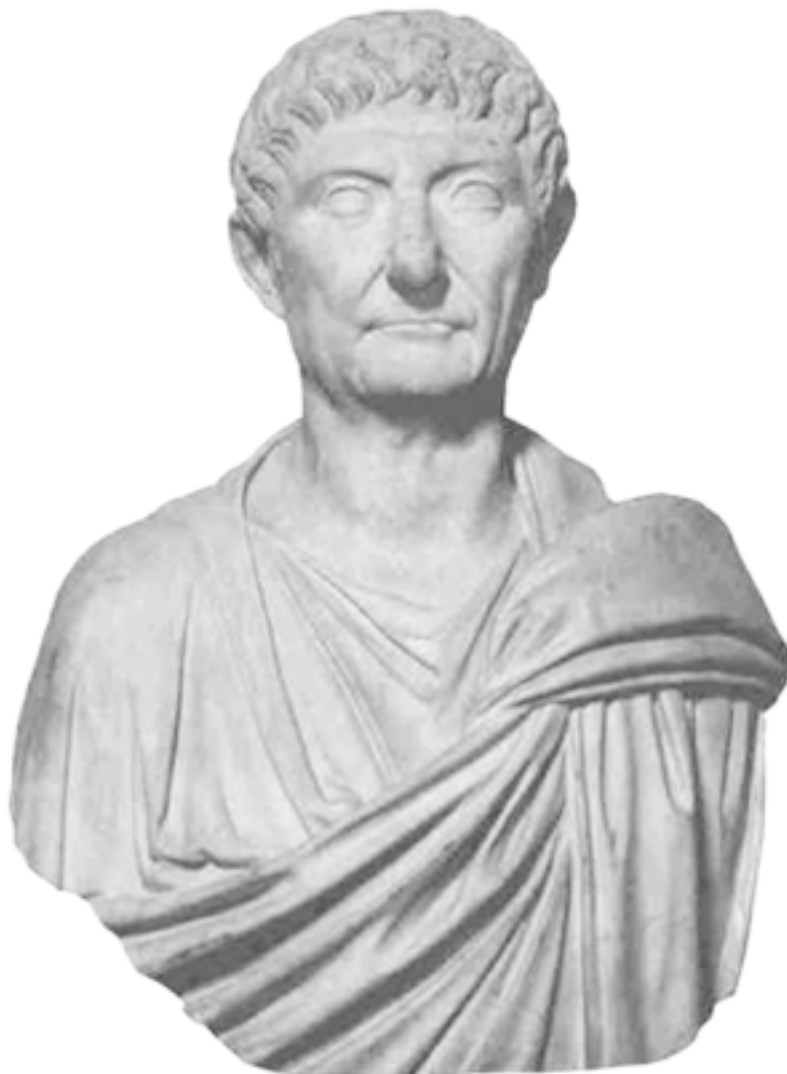
вом и грубостью, за что и поплатился. В Риме же префект Апри зарезал малолетнего Нумерияна, видимо, намереваясь сам стать императором. На сходке солдат в Риме, где Апри собирался провозгласить себя властителем Империи, его убил полководец Диокл, который тут же и был объявлен императором Цезарем Гаем Аврелием Валерием Диоклетианом Августом.

Император Кар

Спустя несколько месяцев он взял себе соправителя – своего боевого товарища, опытного полководца Аврелия Максимиана, объявив о том, что спустя ровно двадцать лет оба они добровольно уйдут в частную жизнь. Необходимость в соправителе объяснялась огромностью территории Римской империи, которую невозможно было контролировать одному человеку. Максимиану поручено было контролировать Западную часть империи. Столицей его стал сначала Медиолан, а затем – Равенна. Диоклетиан же контролировал Восточную часть империи и имел столицу в Никомедии, что близ Мраморного моря.

Спустя восемь лет (1 марта 293 года) – буквально перед началом гонения на христиан, – было объявлено о наследниках, которым сразу присваивались титулы «цезарей»: ими стали Констанций Хлор и Галлорий. Констанций сразу получил в свое управление Галлию и Британию, а Галлорий – провинции на Балканах. Так сложилась сложная система власти в Римском мире, известная, как «тетрархия», состоявшая из двух «августов» (т. е. «старших императоров», каковыми на 293 годы были Диоклетиан и Максимиан) и двух «цезарей» (т. е. «младших императоров», каковыми на тот же год были Констанций Хлор и Галлорий).

Император Диоклетиан

Впрочем, в тетрархии была своя вершина. Диоклетиан – единственный имел дополнительную приставку в титулатуре «доминус». Только формально все «августы» и «цезари» были «братьями», но на самом же деле только на Диоклетиана распространялась «божественная полнота власти» и именно он был инициатором всяких начинаний, а равно и высшим арбитром. К первенству своему Диоклетиан относился весьма ревниво.

Время Диоклетиана непосредственно предшествовало Медиоланскому эдикту и готовило Римскую цивилизацию – хотя и с роковым для нее опозданием – переступить через предубеждения. Сформировавшиеся именно в эти годы Диоклетианова правления люди и осуществили исторически закономерный переход от язычества к христианству. Сам Диоклетиан по сию пору относится к одним из самых противоречивых в оценках историков деятелей прошлого. Немало тех, кто считает его «гением бюрократии», активно искавшим новые формы выживания для Римской империи, но не меньше и тех, кто полагает его губителем этой империи и создателем той властной системы, которая окончательно разрушила Античную цивилизацию.

Для либералов и апологетов демократии Диоклетиан ненавистен тем, что он окончательно отбросил в сторону, как бесполезную ветошь, остатки республиканского строя, упразднив Принципат и установив режим классической восточной деспотии с характерным для нее обожествлением монархической власти. Тем, что облачившись в пурпур и парчу, украсив себя

драгоценностями и водрузив на голову корону, стал требовать от подданных поклонения себе, как это было в Египте, Вавилоне или Ахеменидском царстве. Бывшие римские граждане, превратившись в «рабов Империи», теперь вынуждены были распластываться на церемониях ниц перед тронном и целовать следы императорских пурпурных калиг, а в случае особой милости и благорасположения – края одежды властителя.

Для христиан Диоклетиан неприемлем, как инициатор последних в Античности масштабных репрессий, которые призваны были окончательно уничтожить христианство и погубить Церковь. Эти гонения оказались достаточно неожиданными по причине полной индифферентности самого Диоклетиана к вопросам религии (что, впрочем, весьма характерно для многих римлян эпохи упадка) и того, что в его окружении было много христиан, занимавших весьма видные места в системе управления. Более десятилетия ничто не предвещало грозы, которая разразилась на заключительном этапе его правления.

Диоклетиан родился в Иллирии, на восточном берегу Адриатического моря. Случилось это не позднее 245 года и, следовательно, к власти он пришел в возрасте около сорока лет, в самом расцвете – силы были еще в избытке, но уже имелся богатый жизненный опыт. Годы детства и юности Диоклетиана покрыты мраком неизвестности. Даже его имени, что дано было ему при рождении, мы не знаем – Диоклом он себя называл в память о городке, в котором он якобы родился. Во всяком случае, он не был «благородного» происхождения. Некоторые римские историки (Аммиан Марцеллин и Лактаций) считали его сыном рядового чиновника-писца. Иные (например, Евтропий) считали, что он был вольноотпущенником сенатора Ануллиана. Есть мнения, что был он или рабом, или относился к т. наз. «детям легиона».

Став императором, Диоклетиан не сделал ничего, чтобы внести ясность в этот вопрос: очевидно лишь то, что он относился к тем римским правителям, кто, как и Филипп Араб, и Деций, и Феодосии, были выходцами из низов общества и лишь благодаря упорству и выдающимся личным качествам (а равно, впрочем, и удаче) проделали тяжелый путь наверх, к самой вершине властного Олимпа. Они хорошо знали суровые правила жизни и цену труду, в них сочетались в самых причудливых формах зависть и презрение к счастливицам-аристократам, они умели разбираться в людях и ценили преданность.

Диоклетиан начал путь к власти простым легионером еще при Галлиене. Карьера его резко пошла вверх при Клавдии Готском, иллирийце родом (как и Диоклетиан), человеку, что крайне редко во власти вообще, добросердечном и благодарном. К сожалению, он рано умер во время чумной эпидемии. При грозном Аврелиане полководческий талант Диоклетиана был высоко оценен – ему уже поручалось командование легионом. Признание это было особенно ценно, учитывая, что сам Аврелиан был одним из величайших полководцев древности⁴.

При Пробе Диоклетиан становится одной из ведущих фигур в Империи. Видимо, в это время он стал предметно думать и об императорском пурпуре. Позднеримские биографы все в один голос утверждают, что о короне Диоклетиан думал чуть ли не с детства – это, скорее всего, вымысел. Но вот когда он поднялся в высший эшелон власти, войдя в военную и политическую элиту, то, учитывая специфику времени, просто не мог об этом не подумать, ибо был весьма амбициозен и деятелен. Несомненно то, что ему довелось участвовать во многих переворотах.

Как-то он сказал: «Кабанов всегда убиваю я, а лакомым куском пользуются другие». Рассказавший об этом Аврелий Виктор утверждает, что по преданию Диоклетиану (когда тот, возможно, не был еще даже Диоклом) было предсказано, что он станет императором после того, как убьет на охоте кабана, а потому он после тридцати лет часто ездил на охоту. Кабанов он убивал много, но власть все время от него ускользала.

⁴ Аврелиан, вообще-то, – очень интересная личность: он умел вызывать трепет и ужас, но был напрочь лишен патологической жестокости. В его яркой и фактурной натуре привлекает не столько даже дар воина, сколько своеобразный юмор, проницательность и тяготение к справедливости.

Звездный час наступил осенью 284 года. Диоклетиан в том году отправился в Сирию вместе с Каром, где должен был стать заместителем императора во время похода на персов. После гибели Кара от удара молнии Диоклетиан быстро вернулся в Рим, где должен был стать советником и охранителем юного Нумериана. Но к моменту возвращения префект претория Априус уже убил Нумериана и Диоклетиан прибыл как раз в момент, когда солдаты легионов, расположенных в Лациуме, собрались на Форуме. Они и подняли Диоклетиана на трибуну, объявив его новым императором.

Решение, впрочем, было не единогласным. Надо сказать, префект Априус собрал солдат для того, чтобы императором провозгласили именно его, а появление Диоклетиана разрушило его план. Люди Априуса (а, возможно, и сам Априус) стали кричать, что Диоклетиан виновен в смерти Нумериана. Момент был смертельно опасный. Но за плечами Диоклетиана не даром был богатый опыт общения с легионерами, опыт военачальника и политика – он отлично чувствовал психологию толпы. Он произнес страстную речь, в которой клялся всеми богами (и беря их в свидетели), что не виновен в смерти юного императора. Заключение речи было в высшей степени эффектно: указав рукой на Априуса, Диоклетиан прорычал как бы в праведном гнев «Вот виновник убийства Нумериана» и, не давая никому опомниться, тут же пронзил префекта мечом. Гнев оправдывал убийство того, кто был главным соперником Диоклетиана за власть. Так выходец из Иллирии стал императором.

Вечером, по свидетельству Вописки, он якобы сказал своим друзьям, что пришли его поздравить: «Наконец-то я убил назначенного роком кабана!» Впрочем, убедив легионеров, Диоклетиан не убедил историков – какие-то сомнения относительно его участия в судьбе Кара и Нумериана остались по сию пору. Возможно, Диоклетиан, покончив с Каром в далекой Сирии, прибыл в Рим несколько раньше сходимки легионеров на Форуме. Возможно, между Априусом и Диоклетианом имелся какой-то сговор, они ведь были людьми одной профессии, одного возраста и хорошо друг друга знали по долгим годам службы. Возможно, Диоклетиан в последний момент «переиграл» Априуса. Домыслы – удел романистов. Диоклетиан страстно стремился к власти, однако среди свойств его характера нет подлости, а потому представляется невероятным его участие в убийствах что Кара, что Нумериана.

Диоклетиан относился к числу людей холодных и скрытных, управляемого темперамента, крайне рационального и рассудительного ума, а потому в его гонениях на христиан не было ничего от личной ненависти. Вописка утверждает, что временами выражение лица императора приобретало устрашающе зловещие черты, и было видно, как он борется с всплывающей из недр его характера жестокостью. Сила воли у Диоклетиана была огромна и он умел владеть собой – благоразумие побеждало эмоции. Свои решения Диоклетиан никогда не принимал под воздействием «момента» – он все тщательно обдумывал, и часто решения оформлялись приказами спустя дни, недели, а то и месяцы.

Следует особо отметить – власть для Диоклетиана не была, как у подавляющего большинства римских правителей, ценностью самодостаточной. Власть была нужна Диоклетиану для того, чтобы войти в историю спасителем обновленного Римского мира. Хотя он и не был, скорее всего, римлянином по рождению, однако не мыслил себя вне Рима и вне Империи: ради них и во имя них он воевал, рисковал жизнью, вел жизнь полную смертельной опасности, жизнь и физически, и психологически изнурительную.

Он из-за ничтожности своего происхождения не получил систематического образования. Начальные его знания носили характер сугубо практический и профессиональный – нападение, оборона, владение оружием, сооружение лагеря или переправы, выживание в чрезвычайных обстоятельствах... Практицизм свойственен будет Диоклетиану и в дальнейшем. Однако то, каким он предстает в императорском облике, свидетельствует о его обширных знаниях в самых различных областях. Было бы неверно называть Диоклетиана интеллектуалом – для этого ему недостает широты взглядов, но для несения бремени власти он оснащен был весьма

основательно! Источники утверждают, что Диоклетиан часто погружался в размышления и при этом взгляд его сосредотачивался, а выражение лица становилось величественно-воодушевленным.

Аврелий Виктор свидетельствует, что император был полон «высоких замыслов». Как и Аврелиан, он хорошо понял, что традиционная форма Принципата, при которой сохраняются не только республиканские институты, но, что важнее, сохраняется архаическая, т. е. «полисная», «республиканская» философия власти (где власть есть сумма должностей и взаимный договор правителя и сословий, прежде же всего – элиты и армии!) – эта форма уже мертвая, ее реанимация невозможна.

Пройдет полторы тысячи лет, и французский философ-просветитель Монтескье изложит свое видение на естественную форму государственного управления. По его мнению, для «малых государств» подходит республиканская форма; для «крупных государств» (сегодня мы бы сказали – мононациональных) – форма «просвещенной конституционной монархии», когда верховный (но потомственный!) правитель оказывается не «над», а «под» законом. Для огромных же государств (т. е. многонациональных) подходит «сакральная деспотия» хотя, конечно, и «просвещенная», иначе бы какой же Монтескье был «просветитель»?!

Римские катакомбы

Но задолго до Монтескье к этому соображению путем пристального наблюдения и целенаправленно-практических размышлений пришел Диоклетиан. Империя объединяет множество народов, многие из которых имеют древнюю культуру и опыт государственности. Народы эти разбросаны на огромных пространствах, в различных ландшафтах и климатах. Смысл Империи – в несении цивилизации в эти народы.

Однако развивая окраины, Империя сама же усиливает их сепаратизм. Ведь кроме всего прочего Империя приносит туда и понятие «гражданства» – вчерашние варвары служат в армии и в органах имперской и муниципальной власти, они становятся полноправными «римскими гражданами». И следовательно, они могут счесть центральную власть (т. е. власть Рима), обретя самодостаточность, обременительной и нецелесообразной, а значит – «расторгнуть договор» с этой властью.

Собственно, это уже и начинало происходить. И процесс этот далее лишь будет усиливаться. Можно, конечно, отправить туда войска и разгромить инсургентов⁵ – и, опять же, Империя это уже делает. Но однажды – и, видимо, очень скоро! – она не сможет достойно реагировать на все вызовы. И тогда Империя погибнет!

Выходец из общественных низов, солдат и циник (как, впрочем, и любой политик) Диоклетиан очень хорошо знал основополагающее значение идеи, которая должна сцеплять воедино разбухшее и пестрое тело страны. Такой идеей, по причине мертвости «римских добродетелей», должна стать идея сакральности власти, превращение верховного правителя в «божество» по примеру восточных держав.

Был ли сам Диоклетиан религиозен, это, конечно, за давностью лет вопрос открытый. Скорее всего он, как и подавляющее число его коллег по власти, был суеверен и не более, т. е. верил в «духов места», в месть «духов умерших предков». Атеизм довольно рано поселился в выхолощенных душах римской элиты, которой ближе и понятнее были неоплатоники и прочие гностики, чем мистические верования. То, что ища опоры для власти, ища той идеи, что соединяла бы Империю, Диоклетиан, что наз., «прошел мимо» христианства, не увидел в нем единственную спасительную и универсальную форму возрождения Империи, весьма красноречиво говорит о том, что он вполне, в сердцевине своей, атеистичен и совершенно лишен религиозного опыта.

И до захвата власти, и долгие годы после этого в окружении Диоклетиана было довольно много христиан, в частности, ими были его жена Прииска и дочь Валерия. Церковь пугала его своей исключительной живучестью, способностью даже после самых тяжелых и, как казалось, неминуемо смертельных испытаний возрождаться в еще большей мощи, умножив число своих членов, богатство и авторитет. Диоклетиан видел в Церкви как бы «параллельное государство» в Римской империи. И если Империя преодолевала один за другим кризисы, с каждым разом со все большим трудом и с все более заметными потерями, то Церковь после всех испытаний только усиливалась.

Империя же была смыслом жизни Диоклетиана, и в ее укреплении он видел смысл своей судьбы. Следовательно, формально-логическое и рационально-историческое (т. е. обращенное к идеалам и образам прошлого) мышление Диоклетиана заставляло его видеть в Церкви главную внутреннюю угрозу существованию Империи. Гонения на христиан явились результатом более чем двадцатилетних раздумий – только вступив в последнее десятилетие своего правления, ужаснувшись того, сколь глубоко христианство упрочилось даже в легионах, он начал планомерные репрессии. Храмы христиан подлежали разрушению, имущество их конфисковывалось, христианам запрещалось проповедовать и преподавать, их изгоняли со всех должностей, а тех, кто оставался непримирим и публично сопротивлялся, предавали смерти.

⁵ Инсургенты – повстанцы (лат). – *Прим. ред.*

Римский папа Кай

Следует однако заметить, что Диоклетиан, видимо, внутренне очень долго сопротивлялся решению о репрессиях христиан. Он пытался найти компромисс с Церковью: предание свидетельствует, например, что римский епископ Кай, занимавший кафедру до 296 года (в течение тринадцати лет), был родственником Диоклетиана. Да и с позиции рационально-государственной опасно было восстанавливать против себя весьма многочисленную группу населения, пытаться разрушить Церковь – быть может самый прочный институт в Империи. Сверх того, именно на последнее десятилетие III-го века пришлось много военных конфликтов и, в частности, подавление масштабного восстания в Египте («житнице Империи»). Среди легионеров было много христиан, в том числе и на высоких командных должностях. На императора оказывали мощное давление Максимиан и Галлерий. Именно они были главными ненавистниками христианства. Фактически, именно они, и прежде всего Максимиан, спровоцировали кардинальное изменение в политике Диоклетиана.

Максимиан Марк Валерий, по прозвищу Геркулий (т. е. Геркулес), соправитель Диоклетиана, сильно уступал старшему коллеге по уму и был более известен своей свирепостью. Как утверждает Аврелий Виктор (а ему вторит Евтропий и Лактанций), Максимиан отличался крайней необузданностью нрава, распущенностью, корыстолюбием и тупостью, т. е. являл по своим качествам полную противоположность своему патрону-соправителю. Выражение лица его было неизменно недобрым и хищным. Склонен был Максимиан и к коварству, которое, однако, по причине его недалекости, было всегда «шито белыми нитками». Правда, воином он был умелым и отважным: назвать его стратегом было бы сильным преувеличением, но исполнителем приказов он оказывался безупречным. Именно долгая служба с Диоклетианом (особенно в Галлии) сделала Максимиана «человеком Диоклетиана». Конечно, Максимиан был чудовищем, но он был для патрона-соправителя предельно ясен и прогнозируем. И кроме того, отрицательные во множестве качества Максимиана хорошо оттеняли добродетели и ум Диоклетиана: чем более ненавидели первого, тем более ценили второго!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.